

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044  
9 770131 604002

# РОМАН №8 ГАЗЕТА

**России быть! России быть великой!**



**ЛАУРЕАТЫ ЕЖЕГОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ 2023**

# Поздравляем победителей и лауреатов!



## **Елена АНТИПОВА (Александрова)**

Родилась в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Международный институт экономики и права (юридический факультет). Работала журналистом в региональных СМИ. Публиковалась в журнале «Звезда», на порталах «Год литературы» и «Литературная Россия».



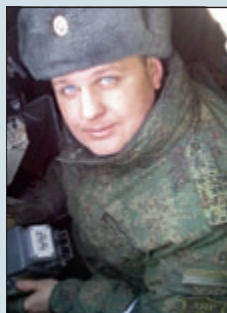
## **Елена КАДОМЦЕВА**

Родилась в Троицке Челябинской области. Окончила филологический факультет Челябинского государственного университета. Работала учителем в колледже и школе. Участник Всероссийской мастерской для начинающих писателей АСПИР (декабрь 2022 г.). Живет в Челябинске.



## **Алексей НЕБИКОВ**

Родился в 1982 году на Сахалине. Основатель и главный редактор портала «Печорин.нет» @pechorin\_net. Главный редактор журнала «Полифония искусства» @polyphonicart. Номинатор литературной премии «Национальный бестселлер» (2021). Создатель проектов: «Русский академический журнал» и «Фонопортрет писателя».



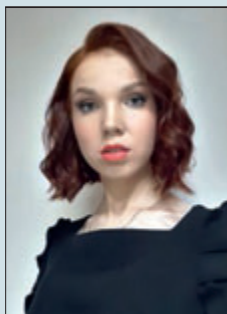
## **Дмитрий ЧУРКИН**

С апреля 2014 года участник событий Русской Весны в составе Первого Медицинского Отряда ДНР. С июня 2014 по май 2015 — в составе Первого Военного Госпиталю ДНР. С июня 2015 по настоящее время на военной службе. В 2017 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2021 году докторскую диссертацию по проблемам военной гигиены. Прозаик, автор повестей и рассказов.



## **Инна КУЧЕРОВА**

Родилась в городе Красный Лиман Донецкой области. Окончила Краснолиманское медицинское училище и Донецкий национальный медицинский университет. Автор книг «Да блаженны Свет нашедшие» (2012), «В эпоху великих» (2020), «Пьесы» (2020), «Письмо солдату» (2022). Лауреат XI Межрегионального фестиваля-конкурса «Алтарь Отечества» в номинации «Литературное творчество» (2017), XII Межрегионального фестиваля-конкурса «Алтарь Отечества», Гран-при в номинации «Прикладное искусство» (2018).



## **Екатерина БОГДАНОВА**

Родилась в Ульяновске. Призёр регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе (2013 и 2015). Окончила Ульяновский государственный университет. Квалификация — «Лечебное дело». Член Совета молодых литераторов Ульяновской области. Лауреат литературной премии «Первая роса».



## **Артём РАГИМОВ**

Поэт, прозаик. Родился в 1992 году в Новосибирске. Окончил новосибирский филиал РАНХиГС. Работает редактором в сфере IT. Участник литературной мастерской Захара Прилепина. Полуфиналист Всероссийского фестиваля молодой поэзии им. Леонида Филатова «Филатов Фест» (2022, 2023). Публиковался в сборниках «Есть такая профессия — Родину защищать» и «Мастерская "Арзамас"».



Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

# РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

**Учредитель и издатель**  
ООО «Роман-газета»

**Главный редактор**  
Юрий Козлов

**Редакционная коллегия:**  
Дмитрий Белюкин  
Алексей Варламов  
Анатолий Заболоцкий  
Владимир Личутин  
Юрий Поляков

**Ответственный редактор**  
Елена Русакова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»  
© ООО «Роман-газета», 2023  
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные индексы издания:**

в объединенном каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2024 №8 /1949/ Основана в 1927 г.

## России быть! России быть великой!

### Дорогие друзья!

От всей души поздравляю победителей и лауреатов Литературной премии партии «Справедливая Россия — За правду»! Понятия «правда» и «справедливость» становятся ключевыми в жизни России. Это касается и литературы. В произведениях победителей нашли отражение главные темы сегодняшнего дня: СВО, патриотизм, семья, детство, образование, историческая память и преемственность поколений. Партия «Справедливая Россия — За правду» активно участвует в совершенствовании федерального законодательства, регулирующего сферу культуры. Мы выступаем за приоритет традиционных духовных и нравственных ценностей многонационального народа России как основного критерия любых новаций в законодательстве. Одной из таких ценностей является великая русская литература. В последние тридцать лет россиянам не просто навязывались чуждые идеи и представления, но по умолчанию иногда даже запрещалось думать иначе, нежели в парадигме «западных идеалов». После 24 февраля 2022 года мир стал иным. Возврат к тому, что было прежде, невозможен не только в политике и экономике, но и в культуре. Партия «Справедливая Россия — За правду» выступает за то, чтобы в школьной программе по литературе было больше произведений патриотической тематики, включая СВО. Я считаю, что изменения следует внести не только в курсы по литературе, но и в преподавание других гуманитарных дисциплин. Художественные произведения военной тематики, как и живые выступления деятелей культуры, их встречи с бойцами оказывают положительное влияние на общество и воспитание молодого поколения в духе патриотизма и любви к Родине. Хорошо, что в новый учебник по истории для старших классов включён раздел о событиях на Донбассе и на Украине, но этого недостаточно. В образовании и воспитании подрастающих поколений необходима системность. Нужно уделять больше внимания изучению исторических событий и литературных произведений классиков, которые вызывают гордость за страну и народ, приглашать современных авторов патриотических произведений на открытые уроки в школы и другие культурно-массовые мероприятия с участием детей и подростков. Я знаю, что многие деятели культуры — артисты, исполнители, поэты, писатели встречаются с бойцами на фронте и в госпиталях, но школьники мало об этом знают. Сегодня с оружием в руках Родину защищают молодые поэты, писатели, публицисты — победители литературной премии нашей партии прежних лет. Мы гордимся ими. Думаю, что весенний номер журнала «Роман-газета» с прозой, стихами и публицистикой победителей и лауреатов 2023 года внесёт свой вклад в наше общее дело — ПОБЕДУ.

**Сергей Миронов**, Председатель Жюри ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Председатель Социалистической политической партии **«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ»**

## ИЗ ПРОТОКОЛА

## Заседания Жюри ежегодной Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ

Москва, Государственная Дума

27 февраля 2024 года

**Присутствовали:**

**Миронов Сергей Михайлович** — Председатель Жюри ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Председатель Социалистической политической партии «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ**», Руководитель фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, а также члены Жюри, принявшие участие в очном и заочном голосовании по вопросам повестки.

**Повестка:**

О подведении итогов ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ** 2023 года по теме «России быть! России быть великой!» (далее — Премия).

Утверждение списков победителей и лауреатов Премии для торжественного награждения.

**Миронов С. М.** поблагодарил членов Жюри за работу по рассмотрению присланных на конкурс материалов, а также за участие в мероприятиях по поддержке СВО. Объявил минуту молчания в память об ушедшем в минувшем году из жизни члене Жюри, писателе В. А. Пронине. Далее Председатель Жюри кратко подвёл итоги политического года в России, высказал свои предложения по награждению победителей и финалистов Премии 2023 года. После чего были заслушаны выступления членов Жюри.

**По первому и второму вопросу решили:**

Утвердить следующий список победителей Премии в номинациях:

**«МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ»****I место:**

**Кучерова Инна Сергеевна**, «Взгляд из эпицентра войны» (ДНР).

**Рагимов Артемий Ильгарович**, подборка стихотворений (г. Москва).

**II место:**

**Сорокин Роман Валерьевич**, сборник стихов «Сегодня мы с тобой большие» (г. Москва).

**III место:**

**Савина Ксения Игоревна**, сборник стихов «Личный фронт» (г. Санкт-Петербург).

**Назарова Лариса Геннадьевна**, подборка стихотворений (Московская область).

**Специальным дипломом Премии и публикацией в журнале «Роман-газета»** отметить военнослужащего **Георгия из отряда «Барс»**.

**«МОЛОДАЯ ПРОЗА РОССИИ»****I место:**

**Антипова (Александрова) Елена Алексеевна**, повесть «С колокольни город маленький» (Нижегородская область).

**II место:**

**Кадомцева Елена Вячеславовна**, сборник рассказов «Ангелы города Ецк» (Челябинская область).

**III место:**

**Небыков Алексей Александрович**, повесть «Апостасия от Любви» (Сахалинская область — Москва).

**Специальными призами** отметить: **Богданову Екатерину Андреевну** за рассказ «День матери» (г. Ульяновск);

**Чуркина Дмитрия Владимировича** за повесть «День справедливости» (ДНР). Автор с июня 2015 г. по настоящее время находится на военной службе.

**«МОЛОДАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ»****I место:**

**Коновалов Дмитрий Михайлович**, очерк «РАЗОРЕНИЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ — РАЗОРЕНИЕ РОССИИ» (Калининградская область).

**II место:**

**Чагадаева Ольга Александровна**, цикл статей (г. Москва).

**III место:**

**Уколова Кристина Викторовна**, цикл репортажей для газеты «Красная звезда» Министерства обороны Российской Федерации.

**Специальным дипломом Премии** отметить **Светашову Ирину Андреевну** за книгу о ветеранах Великой Отечественной войны «Я помню. Я горжусь!» (Белгородская область).

Председатель Жюри **С. М. МИРОНОВ**;  
Председатель Оргкомитета **Р. В. ТАТАРИНОВ**

## ПРОЗА

Елена АНТИПОВА (Александрова)  
(Нижегородская область)

### **С колокольни город маленький** *Фрагменты из повести*

**Сверху вниз (2004)**

Ритмично — как сердце: «пум-пум-пум» — мерзлые комки земли барабанят по деревянной крышке. Усач в камуфляжных штанах напрягается так, что жилы на висках выпирают синими змейками, но непослушные скользкие комья срослись, не хотят на лопату, сопротивляются. Справа женщина, незнакомая, в длинной юбке поверх шелестящих лыжных штанов бормочет машинально: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...» Торопится, будто желая поставить личный рекорд по количеству повторений заветной формулы. Успеет, пожалуй. Не скоро еще молодцы с лопатами управятся. На кромке могилы — следы от входившего в промерзший суглинок лопата, гладенькие вертикальные бороздки.

Все слезы остались в храме, там, у печальной голгофы с распятым Христом в окружении скорбных фигур. Пролились одним потоком под «Вечную память» и стихли. Теперь, на тесной тропинке между могил церковного погоста, всякие мелочи цепляют взгляд. Левая рука, за всю службу ни разу не опущенная, отдается неприятной тяжестью, ноги замерзли, толстая тетрадка за пазухой словно прибавила в весе. Справа какая-то женщина шепнула тете Жене:

— Знаешь, как говорят: смерть — это не тупик, а начало новой жизни. Сложно поверить, да?

Будто без этих слов никак не обойтись сейчас. Конечно, мать усопшего ответила громкими всхлипами, выудила трясушей рукой скомканный платок из кармана пальто.

Только когда копатели наполовину закончили нелегкую свою работу, одна из суетливых старушек заметила, что часть провожающих стоит на соседней могиле. Но что поделать? Отойти некуда, и без того по каждому из узких проходов до самой паперти — люди. Им и не видно ничего со своих мест, а стоят.

Снега в этом году столько, что к весне, кажется, улицы в реки превратятся, захлебнутся и город, и деревня. Да и черт с ними теперь! Пусть текут, вместе с Окой и Волгой, уплывают до Каспия. Все эти домики деревянные, и церкви, и люди, скотина путная и непутная — пусть плывут, оседают жирным илом на отмелях, растворяются в потоках. Им не привыкать, многие и не заметят даже.

А село все стоит, никуда не деться ему с праведником ли, без. Что он был, а что нет. Набьют сейчас утробу в трапезной, разойдутся обсуждать кислые постные щи и что булки без изюма. Назавтра забу-

дут, где ни копай — хоть на обычном кладбище, хоть на прицерковном.

Повернулся, раздвинул плечами близко стоящих дальних родственников и соседей, под осуждающими взглядами прошел по погосту домой, не дожидаясь конца погребения и сытных поминок.

Другое. Сначала было другое слово.

**Чужие (1992)**

В тот день, когда в деревне появился Ромка, трава рядом с домом тети Гали доросла почти до самого моего подбородка. Деда косил её в июне, это позапрошлый месяц, в ямочке перед мизинчиком. Маленький красный мячик из пахучей резины закатился куда-то к забору, не отыскать. Когда я наконец нашел его, взглянул на соседку, сидевшую на деревянной скамейке, почувствовал — случилось необыкновенное.

— Кто это к вам приехал? Вроде не Линкин ребенок-то, большой уже, сам ходит.

Только увидел, как через дорогу за широкой дедовой спиной закрылась калитка, а кто вошел вместе с ним, не разглядел. Мухтар лает не по-доброму. Чужие? Мячик сам выпал из рук, покатился к дороге. Держась за поясницу, тетя Галя поплелась за ним, шелестя по высокой осоке подолом цветастого халата. Нагнулась, раздувая красные щеки, подняла: раздавят еще или потеряется.

Бжал быстро, как мог. Через весь соседский палисад, через дорогу, к переставшей уже колыхаться на смазанных петлях калитке дедова дома. Толкнул ее плечом. Жарко. Взобрался на ступеньки крыльца, со всей силы потянул железную ручку тяжелой двери, чуть не упал, встревожив Мухтара под яблоней. Ввалился во двор, заморгал, стараясь разогнать темноту. Скинул тапочки. Еще две ступеньки и еще одна дверь. Распахнул ее настезь. Лимонная шторка колыхнулась от сквозняка, коснулась лица. Отодвинул ее рукой, вбежал в сени, замер за печкой: не затурует, если прямо в кухню войти? Обычно бабушка сразу зовет, а сейчас стоит у окна в глубине горницы, разговаривает с кем-то тихо-тихо. С чужими?

На порожке кухни маленькие белые сандалики с круглыми дырочками. Такие Маше из города привезли, хоть она еще в пеленках. Тетя Лина говорит: «Подрстет, носить будет». Только эти старые, пыльные. Пахнет странно. Когда ездили на поезде уши лечить в больницу, там так же пахло. Бабушка прокашлялась, заговорила напевно:

— Ну да, Серафима, земля ей пухом. Ее дом так пустой и стоит. Ключ у председателя, наверное. Сейчас Матвей ходит до клуба, спросит. Иди, чего стоишь? — И тише уже: — Как мальчика зовут?

— Рома, — ответила какая-то тетя.

— Ромка, сколько тебе годиков? — продолжала спрашивать бабушка.

— Молчит. Не стесняйся, скажи: «пять», — произнесла незнакомка жестко.

Там точно ребенок! Рома — значит, мальчик. Тетя Галя мяч пинать не умеет, скучно играть с ней. В сад

только в сентябре, долго ждать, до самой осени. Посмотреть бы на него, на мальчика, хоть краешком.

— Мишуся! Ты тут как? — Деда вышел из-за печки и чуть не споткнулся сослепу. Пригнулся под приолокой, смотрит из-под густых бровей, шепчет: — Если нагулялся, иди в дальнюю, посиди там, не мешайся под ногами. — Губы вперед вытянул, как будто сердится, а сам панаму забыл надеть: торопился или задумался. Дверь за ним мягко шаркнула войлочной набивкой по косяку.

Я осмелел, прошагал на цыпочках до самого входа в кухню, замер. Ромку не разглядеть, но тетеньку видно стало. Совсем не как мама: длинная, тонкая, в розовом платке и темной юбке до пят. Солнце из окна напротив светит, и волосы, выбившиеся из-под косынки, золотятся. На улице вон какая жара, а у нее на плечах платок. Спиной стоит, лица не видно. Бабушка напротив нее, оперлась на стол, заполненный пустыми банками из-под молока. Не увидит? Зажмурился на всякий случай.

— Мишка, иди сюда!

Не удалось спрятаться, заметила. Боязно идти, но теперь уже не сбежать. Пробовал раз, но бабушка догнала. У нее ноги длинные, разгонится, схватит сухими ладонями за плечи. Нет, не уйти. Скрипя половицами, вошел и сразу же наткнулся на острый, любопытный взгляд мальчика Ромки. Вроде бы не совсем маленький, но ужас какой худой. Белая маечка висит на косточках, шортики синие. Мама в таких бы не разрешила на улицу идти, только дома, где никто не видит. Таких бабушка называет «дохлик-задохлик». Как длинненький жучок-шелкунчик, и глаза в пол-лица.

— Вот, Миша, это Ромочка, он тебя младше на годок. Будете вместе с ним играть. Идите, покидайте мячик. Где он?

Забегал глазами по углам. Потерял? Развернулся к двери всем туловищем, вытянул руку — там!

— Ну вот, идите погуляйте. Там Галя сидит, она посмотрит за вами.

— Сейчас, Вера Степановна, я его обую. — Женщина поставила наконец на пол огромный коричневый чемодан, рванулась к мальчику, сидящему в самом углу на табурете.

— Я сам. — Рома стёк вниз, потерял равновесие, завалился вперед, вытянул тонкие ручки, оперся на ладошки. Поднимаясь, ухватился за белёный печной бок, замарал пальчики.

— Он вообще самостоятельный у меня. Иди играй с мальчиком.

— Миша! За ручку, за ручку его возьми. И косыночку надень! Жара сегодня, как посереде лета.

За ручку? Вот еще! А косынки только девчонки носят! Ничего не сказал, а то ведь силой наденет. Вышел в прихожую, остановился, глядя на сандалики. Ромка присел на порог, вытянул свои насекомьи ноги, не расстегивая, стал натягивать обувку поверх сложенных в гармошку гольфов. Получилось на удивление ловко и быстро. Вместе вышли во двор.

— А коровы тут есть?

— Да, две, Ночка и Зорька. Но сейчас они ушли. Потом будут.

— Куда ушли?

— Гуляют. Их деда заберет вечером. Тебе нравятся коровы?

— Не знаю. Просто интересно. Они тучные.

— Чего?

— Ну, тучные. Мама читала книгу, там тучные коровы были.

— Не знаю, надо спросить у бабушки.

Долго шли вдвоем по улице. Разомлевшая от солнца старая тетя Галя прощамкала беззубо:

— Миша, куда убежал? Мячик-то забыл. А это кто тут у нас?

Ромка хотел спрятаться у меня за спиной. Он и за березкой бы затерялся, прозрачный такой, но уже слишком близко подошли. Придется ответить.

— Это Рома. Мы теперь будем вместе играть.

— Гома? Хома? Мишка! Ты когда научишься букву «р» выговаривать? Трактор в поле «тыр-тыр-тыр», — залилась обидным хохотом.

— Рома я! — гнусаво, но четко рыкнул мальчишка. Ухватил меня за рукав, потянул: — Пойдем.

Перед домом бабули скошено, мяч не убежит, разве что в крапиву, но до нее и не добросишь. А у папиного гаража, недостроенного, вообще все вытоптано. Катали резиновый шарик по жестким пенькам осои. Ромка слабый, еле бегаёт, заваливается постоянно, как неваляшка. На холодильнике такая игрушка стоит в сенях. Типа снеговика, только красный, и щеки — большие яркие кружочки. Бабушка играть не дает: «Разобьешь, а потом плакать будешь». Ромка не похож на снеговика, но шатается так же от любого толчка. Страшно сломать.

Деда идет. Быстро шагает по дороге. Ему вслед открываются калитки соседских домов. Деревня чувствует, когда чужие приходят. Деда не отвечает на молчаливо вопрошающие взгляды, а если кто спрашивает, рубит коротко: «Потом!» Домой идет.

Вот уже совсем близко, видно, как на солнце блестит лысая непокрытая голова. Потрепал меня по волосам спешно, но ласково: «Не шали!» Стукнул дверью. Глухо загудел из распахнутого окна его голос:

— Вера! Ключи-то я взял. Но в доме шалман, как Мамай прошел, и крыша дырявая, что твое сито. Не управимся за сегодня. А пока там жить нельзя. Думай, где им ночь спать. Завтра к вечеру, глядишь, сделаем, а сегодня никак нельзя.

— А не надо искать ничего. Уложим мальчика с Мишкой в дальней, Евгения Павловна ляжет на Линкину, а мы с тобой на Иркину. Давайте тогда, Женя, несите свои чемоданы в большую комнату, располагайтесь. Я сейчас наскоро обед приготовлю, а то все чай да чай. Ребенок-то голодный.

Зашумело, задвигалось в кухне, стихло. Деда вернулся во двор, завозился в сарайчике с инструментами. Выложил на траву метелки, тряпки, два ведра. Собрал в кучу, вышел за калитку, нагруженный добром. Попроситься бы с ним. Возьмет?

— А чего нет? Вера! Я мальчишек заберу, пусть поглядят.

— Куда? А обед? — ответила форточка.

— Я пока просто скарб снести для уборки. К обе-  
ду будем. Пойдемте, Мишуся.

Стараясь поспевать за размашистым дедовым  
шагом, побежал смотреть дом бабы Серафимы.

Тетья Галя привстала было, но тут же опустила  
обратно, на нагретую солнцем лавочку, тяжело ей.  
Дядя Гена, возившийся с мотоциклом, отвлекся,  
усталился на нас сквозь сетку своего забора. Папа го-  
ворил, что ему эта сетка нравится. И что в ней хоро-  
шего?

Когда проходили мимо дома Гурьяновых, никого  
почему-то не увидели, а так хотелось показать Ром-  
ке, какая толпа народу живет в этом обросшем при-  
стройками строении. Уже и не видно его, изначаль-  
ного, за летними верандами, гаражом и прилипшим  
сбоку вторым домом для семьи сына бабы Мани.

Ромка не поспевает, дышит тяжело, не умеет хо-  
дить быстро. Деда остановился, перехватил ведро,  
веники под мышку переложил. Дальше пошли. Да-  
леко еще, в самый конец улицы.

Домик старенький, почти без забора, окна запла-  
канные, в разводах. Подошел к завалинке, скovyрнул  
чешуйки синей краски. Отлетели, как яичная скор-  
лупка. В серых досках много маленьких дырочек.

— Что это?

— Осы или какие-то жуки прогрызли. Шут их  
знает!

Как-то сразу вокруг зажужжало не по-доброму.  
Неужто в доме осы живут?

— Нет, никого там нет. Что им там жрать-то?

Ведра с тряпочками улеглись в густых зарослях у  
крыльца. Если бы деда не протоптал тропку, не про-  
браться бы ко входу. Открыли дверь, из избы пахну-  
ло сыростью и гнилыми деревяшками, как из старо-  
го пня в лесу. Порог высокий, лишь бы Ромка не на-  
вернулся через него. Пум. Свалился все-таки. Но не  
заревел, встал, потер коленку, поднялся в сени.

— Ребятишки, не снимайте обувь. Тут сперва  
вымести надо.

Темно от заляпанных окошек и растущей снару-  
жи травы. Какой-то куст дорос прямо до крыши. Си-  
рень. Деда распахнул настежь прилипшие друг к дру-  
гу рамы. Страшный звук, как будто дрова рубят.  
Скрип и хруст. В избе стало светло и пыльно.

— Ну вот, еще рамы придется сладить. Труха од-  
на. Где б стеклышко достать под замену? — Деда све-  
сился из окна, страшно, как бы не выпал. Я потер  
нос рукой, но все равно чихнул, громко и неожидан-  
но. Ромка вытянулся, как солдатик, испугался. Деда  
скомандовал:

— Ну, давай поглядим, что здесь осталось еще  
путного.

Комнатка в избе всего одна, в глубине еще ку-  
хонька, но такая маленькая, что даже втроем там тес-  
но. Только-только развернуться у печки с ухватом.  
На полу два глиняных горшка, один разбитый. В го-  
ренке кровать самодельная, на ней комом одеяла  
шерстяные, подушки, не разобрать еще чего. Есть  
стол под клеенкой с цветочками, один стул, а у печ-  
ки — лавка. Станный забор у короткой стенки при  
входе.

— Что это?

— Это ясельки для козляток. Серафима здесь зи-  
мой приплод держала, когда мороз был. Да, прямо в  
доме. На дворе маленькие замерзли бы. Или козел  
забодать мог. Вот они вместе с ней и жили здесь.

Ромка пообвык, полез в ясельки, но не нашел там  
ничего, кроме прелой соломы. Косолапо потопал в  
кухню. Обрадованный, принес полную ладошку  
мелких круглых зернышек.

— Ёпэрэсэтэ! Ты что это, дерьма мышиноного на-  
брал! — Деда аж подскочил. — А ну выкинь! Выкинь,  
тебе говорю! Это мышки накакали. Там зараза одна.  
Ты ведь это не ел? Точно? Дома руки помой, и чтобы  
с мылом, три раза, слышишь? Сам проверю! Ладно,  
пойдемте, а то бабка заругается.

Еще во дворе почувал приятный запах жареного  
лука. Оказалось, что до жути хочется есть. Целую  
сковороду картошки бы осилил. Или банку молока  
трехлитровую и батон. Деда с Ромкой, как назло, за-  
стряли у бочки: полощут в густой, обжитой личинка-  
ми комаров воде ладошки нового мальчишка:

— Вот, и еще раз. Повернись, полью тебе, а то  
мыла напускаем. Теперь окунай. Так. Всё, беги к Ми-  
шусе. В избе вытрешь насухо полотенчиком.

Незадачливый Ромка спрыгнул с пенька, кото-  
рый деда приладил, чтобы руки в бочке мыть. При-  
землился в траву, прямо в то самое место, куда ему  
поливали из мятого ковшка. Замочил сандалики, а  
под ними и пыльные свои голыфы. Поплелся к  
крыльцу, прихрамывая, как раненый. Неужели по-  
скорее нельзя? Есть хочется так, что даже обглодан-  
ный говяжий мосол у конуры Мухтара аппетитным  
кажется. Бабуля выглянула в форточку, забубнила  
что-то привычно, обернулась к столу, к невидимой  
чужой тете, и совсем по-другому — как музыка — за-  
звучали ее слова.

Деда, стряхивая с ладоней капельки воды, догнал  
их у самого крыльца. Дернул дверь, пропустил их  
вперед в прохладный двор.

— Давайте-давайте, скоро уж за коровами идти.

Бабушка стояла в облаке густого пара из-под при-  
поднятой над кастрюлей крышки.

— Что так долго? Дети голодные, сам тоже язвен-  
ник. Ребята, садитесь. Ты, Ромочка, вот на этот  
стульчик, к печке. А Мишенька присядет пока вот  
сюда. — И снова деду: — А я тебе потом в больницу  
передачи таскай? Или опять осенью в санаторию со-  
брался? А картошку копать я одна буду? Доставай,  
иди, масло свое. Женечка, знаете, когда у него язву  
нашли, я вот что придумала: сначала даю ему столо-  
вую ложку спирту, потом столовую ложку меду. Это  
всё натошак. А в самом конце еще кусочек сливоч-  
ного масла, небольшой такой кубик отрезаю. И зна-  
ете, Женечка, язва его затянулась. Я потом, когда ез-  
дила к доктору нашему в город — хороший врач, —  
рассказала ему про этот способ. Он говорит: «Как вы  
чудесно придумали, Вера Степановна, все это очень  
по медицинской науке, продолжайте свое лечение».  
Да, вот так и сказал! И вот уже почти два года без  
обострений. Матвей! Иди сюда!

Деда возится в прихожей у холодильника. Вытащил бумажный, пропитанный жиром сверток, затопал в кухню. Бабушка ждет его с ложкой, наполненной жидкостью из бутылки, ловко припрятанной среди запасов крупы.

— Открывай свой беззубый рот! Вот! И меду теперь. Я пока картошки наложу вам. Стул из горенки принеси, сядешь у плиты, а то за коровами скоро. Сидите-сидите, Женечка, он привычный уже так обедать. А я потом сяду, как он уйдет. Ой, да не надо! Сидите спокойно. Так что вы говорите? Апатиты — это где вообще такое?

— На Севере. Знаете, где Кольский полуостров? Это Мурманская область.

— Мурманск? Матвей! У Машки Коневова брат в Мурманск уехал? Погоди, Миша, я сейчас еще тебе в картошку маслица положу и лучку. Молочка будешь?

Кивнул. Ждать над картошкой, пышущей горячей влагой, — нестерпимо. Слишком живо представлялось, какая она внутри рассыпчатая, мягкая. А что там еще на плите? Вытянул шею: вроде просто лук. Сейчас и он согдится. Поскорей бы только. В нетерпении стал качать ногой под столом, случайно задел тетю, замер. Не заметила.

— Нет, Вер, в Магадан.

Деда вошел, неся перед собой деревянный стул с высокой спинкой. Как ему развернуться с ним в такой маленькой кухоньке? Посчитал, загибая под столом пальчики: «Баба, тетя, Ромка, а теперь еще деда. Четыре. Нет, пять».

— А Магадан-то, это близко от Мурманска?

Бабушка крутится от плиты к столу. Ей и шажочка не приходится делать, чтобы глубоким черпаком прямо в расставленные тарелки перекладывать из кастрюли желтые клубни.

— Да как тебе сказать. Совсем ничего: как отсюда до Калинки и еще тысячу раз по столько.

— Все у тебя через прибаутки. Ни слова запросто сказать не можешь, да? Я, чай, не дура! И что, Женечка, холодно там у вас, в Апатитах?

— Да, климат там не особенно благоприятный. Ромка часто болел. Я и сама по натуре не северянка, люблю тепло и давно мечтала сменить условия, вот Господь помог, дал повод.

— А как же вас отпустил папа мальчика? Неужто так вот легко расстался с родным дитем?

Деда, усевшийся у плиты и успевший уже набить полный рот картошки, пнул легонько бабушку в щиколотку. Обернулась, сморщила маленький кругленький нос, фыркнула. Мурка так шипит, если пристать к ней, пока она жадно хлебает парное молоко из выставленной во двор кружки.

— Да ему все равно. Он и не заметил, наверное, что мы уехали. Так, может, потом соседи скажут. И то, если спросит.

Тетенька сидит, сжавшись в комочек, словно стараясь сделаться поменьше. Тесно здесь, конечно, впятером. Лицо у нее красивое. Платок она не сняла, перевязала только, волосы скрыты под тонкой светло-розовой тканью. Сама худая и, даже сидя на стуле, почти с бабушкой ростом. Наверное, ей очень

низко пришлось нагнуться, когда входила в избу. Бабушка закончила раздачу картошки и масла, остановилась, намотав на руку влажное полотенце.

— А мы с Серафимой подруги были, да. Она когда слегла, я ходила к ней два раза в день. У ней мыши там жили. Я приду, а они все — шмыг за печку. Серафима всякую скотину непутную жалела. Говорит: «Вера, ты хлеб спрячь, но оставь им кусок под лавкой. Со мной, — говорит, — никого больше не осталось, а они хоть шебаршались, не так тихо». Телевизора у ней, бедной, не было. Когда ходила еще, у нас зимой вечером глядели концерты, новости в девять часов. А потом уж всё. Долго она болела, да. Сначала-то вроде как спина. Съездила в город, там врач написал, что почки не в порядке. Я уж не помню, что за болезнь, у Линки надо спросить.

— Это ваша дочь?

— Да, меньшая. Училась на фармацевта, да недоучилась. Родила в сентябре в прошлом годе девочку. Машкой назвали. Неужто другого не могли имени придумать? Как кошка! Машка! Мы-то с Матвеем девок назвали Ирина и Эвелина, вот как. Да ну! Они, похоже, только и думают о себе.

— Мы с тетей Фимой виделись всего несколько раз. Она приезжала в Москву, когда я была классе в пятом, наверное. Мама еще не болела. Даже не помню, как она выглядела, если честно. А она любила меня, писала. Совестно, что на похороны не успели. Но не могла я, Ромка тогда был еще очень мал.

— Так вы сами из Москвы, значит? А чего ж тогда в Москву не вернулись из Апатитов? — Бабушке нравится произносить это новое, прежде не известное название города. Наверное, гордится, что так быстро запомнила.

Деда, не скупясь уже на силу, пихнул бабулю ногой. Сам сидит, будто и нет его. Кажется, мог бы сквозь пол провалиться, прямо в подпол к банкам с прошлогодним компотом. Бабулю так просто не проймешь, в ответ его лягнула пяткой. Не попала. Тетенька так и не притронулась к своей картошке. Остынет же. Начала тихо, через короткие промежутки молчания:

— У меня в Москве нет никого. Отец погиб давно. А мамы не стало, когда я в техникуме училась еще. Комнату от предприятия забрали. Я съехала в общежитие от ПТУ. Года через полтора Николай, Ромкин отец, военный, увез меня на Север. Поженились. Но что вышло — то вышло. Я, когда бежала оттуда, даже не думала про Москву. Это деньги, жилья нет. А здесь остался тёткин дом, крыша хотя бы. Да и к Богу деревня ближе, чем город.

— Ваша правда, Женечка. Только вот с работой у нас совсем горько. Колхозные поля, как развалилось все, позабросили. Ходили туда только косить, да и то сцепились дом на дом: кому какой участок. Закона-то нет. Вы там кем работали у себя?

— Швея. Шила на заказ офицерам в военном городке. Еще в церкви прислуживала. Где прибрать, где состряпать, по швейным делам, конечно, тоже. Не за деньги, что уж там. А в последние месяцы, когда у нас совсем средств не стало, батюшка сильно



помогал. На билет сюда тоже всем миром собирали. В этой деревне ведь нет храма?

— Нет, моя хорошая. И не было никогда. От нас до города час пешком, к чему нам своя церква? А там уж несколько храмов. Мы, если собираемся к Пасхе или на похороны, то чаще на Горку ездим. Там большой храм, красивый. Когда его заново отстроили, кликнули по всем домам: несите нам, у кого что есть. Негоже, значит, держать образа для личного пользования. И несли ведь! У нас Люська Герасимова и то отвозила что-то. А как получилось-то? В революцию, когда еще этой деревни и не было, и меня не было, из разрушенных храмов народ растащил по домам всё, что смог. У моей свекрови — земля ей пухом — в сундуке на дне облачение лежало, изукрашенное, все белое, шитьё золотое. Я ей: «Мать, пошто тебе облачение, ты ж не поп?» Смеюсь. А она говорит: «А нехай лежит, не выкидывать же такую вещь». Так все у ней там и сгнило.

— Вера Степановна, напишите мне, пожалуйста, адрес этой церкви. Как обустроимся, съезжу туда. Не знаете, им не нужна помощь?

— А почему знать. Не часто мы там бываем. По лету некогда, это ведь собраться, доехать надо, все равно туда полчаса, потом обратно, а там еще служба. А по зиме холодно, автобус ходит редко, не подгадаешь. Ты езжай сама, спроси. Может, и нужно чего. А с хозяйством на первых порах мы поможем. Сейчас уж дело к осени идет, со следующего года начнем. А этот раз подсобим с картошкой, дадим вам, уж сколько выйдет.

— Спасибо большое, Вера Степановна. Я и не ожидала, что здесь нас так встретят. Я и адрес ваш нашла в одном из последних писем тети Фимы. Она, когда лежала уже, меня вам доверила, получается.

— Ну так мы с ней здесь лет тридцать, почитай. Когда погорели, Ирка еще была маленькая, пять ей было, что ли. Меня колодезной водой отливали: так это горько, Женечка, когда дом горит. С того самого дня и дохаю, как чахоточная, застудила грудь, и не до лечения. Ничего не осталось, ни досочки, ни тряпочки. А Серафима принесла мне шпульку ниток, иголку и какие-то рогожки. Вижу, у ней нет ничего у самой, у бедной, а она все равно несет. С этой шпульки наш новый дом и начался.

Сам не заметил, как на доньшке железной эмалированной тарелки показался паровозик с веселыми зверятами. От горячей картошки раздуло, поклоныло в сон.

— Миша, доел — поди в дальнюю, поспи часок. Поди, поди.

Спрыгнул с табурета на шершавый плетеный полковик, потащился в горенку. Еще жарче стало от сытного ужина. А молока бабуля не дала, забыла за разговорами. Ладно, все равно не полезет теперь. Поверх покрывала лег на раскладной диван. В полудреме разглядывал фотографии на комодке, застеленном кружевной салфеткой. Мама, очень красивая, на голубом фоне. Черноволосая, серьезная, не улыбается, смотрит сурово, будто хочет наругать за шалость. А рядом в соседней рамочке-окошке веселая,

худенькая тетя Лина, Линка-Эвелинка. Волосы — два русых хвостика. Взрослая, а глаза смеются. На стене над ними тетя Надя — бабина сестра. Они двойняшки, в один день родились у одной мамы. Вера и Надя. Надежда далеко живет, на Украине. Не приезжала в этом году. Надо спросить бабулю, почему. В прошлый раз привозила такие пряники, ум отъешь, особенно если с молоком.

В мягкой дремоте привиделось, будто к комоду подошла коза. Серая, через дом такую бывает видно из-за забора Гурьяновых. Мохнатая, с острыми рогами. Поцокала по комнатке. Подвижными губами стала затягивать внутрь своего невидимого под шерстью рта вязаную круглую салфетку. Двигает челюстями вправо-влево, вправо-влево. А вместе с салфеткой фотокарточки в рамочках ползут медленно к самому краешку, еще немного — и свалятся на пол. Разобьются! Как потом, пока бабуля хлопочет на кухне, целовать их украдкой, протирать рукавом, чтоб следа не осталось? Надо скорее поймать маму и тетю или прогнать козу. А тело тяжелое, руки не поднять. Хотел было крикнуть, а просипел только сдавленно. Замотал головой, стряхнуть бы кошмар. Проснулся на резком глубоком вдохе, подскочил на месте. Нет козы.

Спустил ноги на пол. Пить. Запинаясь о складки половика, дошел до крашенного коричневым порожка двери в горенку. Отодвинул легкий тюль, переступил, придерживаясь за косяк. В горенке на бывшей маминой кровати чужая тетенька с Ромкой сидят, переговариваются о чем-то тихим шепотом. Подняли глаза, одинаковые-одинаковые, светлые. Вопросительно посмотрели. А в кухне другие голоса, громче:

— Мама! И что теперь, устроим у нас странно-приимный дом? Да уж, неплохая выйдет ночлежка! Всей деревней строили!

— Тсс! Тише ты! И как не стыдно? Я разве так тебя воспитывала? Мне что теперь, женщину с малым дитём на улицу гнать? Что с тобой сделается, если они у нас в избе ночь переночуют?

— Ты вообще знаешь, что это за люди? Ты их документы смотрела? Вынесут у тебя полдома, пока спишь. Она вообще сектантка какая-то, в платке. Или беженка. Что на ней надето?

— Ира! Сто раз уже тебе сказала, это племянница Серафимы, будет с мальчиком в ее доме жить. И не сектантка, а православная. За собой лучше смотри, модница, одна юбка и в пир, и в мир.

— И как она докажет, что она ее родня? Может, документы на дом при ней? Нет! Ты вообще думаешь о том, с кем твой внук ночует? Я Мишку тут не оставлю.

— У ней письмо от Серафимы. Написано, что она свой дом отдает по смерти ей, как единственной живой родне.

— Да я сама сейчас такое же напишу, ты меня туда тоже поселишь? Ты что кашляешь опять? Ну мам! На, попей воды, присядь. К врачу ходила?

— Не дошла пока, с огородом всё. Да чего ходить, раз хроническое. Я на ночь грудной сбор пью, вроде с него немного легчает.

— Мишка спит? Собери его.

Замер, где стоял: ни вперед — ни назад. Мама приехала, хочет в город забрать. Поднял глаза на новую тетеньку, а та сидит с ногами на кровати, в угол вжалась, крупные слезы катятся по щекам, совсем беззвучно. Удивительно взрослые могут плакать. Сам почувствовал влагу в носу. Как это в город? Сейчас? От бабушки с дедой? Шмыгнул раз, другой. И рванул с места, не разбирая уже пути за соленой пеленой. Ворвался в кухню, как ошалелый пес, с разбегу уткнулся носом в пахнувший маслом бабушкин передник. Обнял ее ноги как мог и за собственным ревом ничего больше не слышал.

— Ты что? Мишка! Ты чего? Смотри, мама приехала. Поедешь с мамой домой? Как так не хочешь? Ну потом еще приедешь ко мне. Конечно! Через денечек-другой обязательно приедешь. Ира, вещи его в дальней, посмотри, что тебе надо, возьми там.

— Я туда не пойду, пока там эта беженка. Вон, ребенка напугала до слез. Отец где? Хоть бы кто тебя вразумил.

— Да он ревет, потому что уезжать не хочет! Матвей за коровами пошел, будто сама не знаешь. Поди за вещами, если собираешься его забрать.

— Тебе мои нервы вообще ничего не стоят? Не сегодня-завтра лягу на сохранение, куда Мишку? В этом доме ему точно места больше нет. Чужой мальчик в его кровати спать будет. Мишенька, родной! Я тебе завтра блинов напеку. А? Какие лепешки?

— Да говорит, не хочет твоих блинов, а хочет мои лепешки с молоком.

— Тыфу ты! Да у тебя в них одни дрожжи и маргарин. С них и взрослому-то дурно делается. Как можно ребенка таким пичкать? Мишенька, пойдём, дома телевизор с мультиками, папа там тебя ждет. А?

— Давай-ка, Миша, переставай реветь. На платочек, вот, слезоньки вытри, поди с мамой. А приедешь обратно, обязательно испеку тебе гору лепешек. Хорошо? Ну вот, молодец. Посиди тут. Сейчас я твои маечки принесу.

Дома пахнет печёнкой и папиным одеколоном. С порога, едва бросив на пол матерчатую сумку, мама, перекрикивая работавший в зале телевизор, делится накопившимися за поездку в автобусе словами:

— Витя! Мать у себя устроила ночлежку. Горький со своим «На дне» отдыхает. Представляешь, поселила у себя каких-то беженцев. Я Мишку насилу забрала оттуда, они напугали его, он всю дорогу ревел, не унимался. Витя! Ты, может, послушаешь, что я тебе говорю? Или тебе плевать на сына?

Папа оторвался от экрана, на котором крошечные футболисты увлеченно гоняли мяч.

— Что говоришь? Мать в Горький собралась, но испугалась беженцев?

— Витя! Ты свою дурацкую улыбочку сотри, не в цирке! У нее сейчас там в доме какая-то баба с ребенком. Грязные, оборванные. Когда я пришла, они там жрали нашу картошку. Представляешь? Невесть откуда взяли. Говорит, Фимкины родственники.

— Ну что уж теперь? Поздно только они приехали, если ты про тетку Серафиму, у которой в конце

улицы дом. Она уж года два как померла, не успели свидеться. Вот как бывает-то.

— Олух царя небесного! Не понимаешь, чего я тебе талдычу: они же ее обворуют или чего хуже. Ни документов у них, ничего.

— Странно, конечно, что нет документов. Ты спрашивала, а они так и сказали, что нет?

— Делать мне больше нечего, только лясы точить с этой сектанткой. Но документов на дом у них точно нет.

— На какой дом?

— Да на Фимкин дом! Они приехали, чтобы жить там! Отец полдня хлам выгребал, чтобы их величества там свой притон устроили. Мама носится из угла в угол, как всполошенная птица.

— Ну, значит, будут у нас новые соседи. Надо поздороваться сходить. И у матери они, видимо, не задержатся, раз дом есть.

— Если у нас в деревне остановится цыганский табор, ты тоже рад будешь?

— Да я же не председатель, чтобы такие вопросы решать. А хоть и цыгане. Нам на заводе молодые разнорабочие сгодятся, а то все парни с перепугу в город сбежали.

— А ничего, что у тебя там гараж строится? Инструменты все твои там лежат. Не боишься, что приедешь, а там ни винтика?

— Тревожно, конечно. Но, Ира, если подумать, зачем беженцам мои инструменты? Вавилонскую башню возводить?

— На базар несут и продадут! Будто не знаешь, как бывает. Тебя вообще ничего не трогает?

— Трогает, конечно. Завтра после смены проеду туда, посмотрю, что за люди. А сегодня у меня единственный выходной. Мишутка! Ты чего застыл как не родной? Футбол будешь смотреть?

— Какой футбол? Ты обувь намыл? И посуду? Пол в прихожей? Черт с тобой, сиди как истукан. Отдыхай! Будто ты, а не я на сносях, ей-богу! Мне-то отдых не положен.

Метнулась в ванную, в кухню, потопала в коридоре, затрещала телефонным диском. И снова взялась метать слова, острые, сердитые:

— Лина! Да, здравствуй, здравствуй. А? погоди, послушай, что я тебе скажу. Это про мать. Да нет, пока с ней все нормально...

Сложно было сообразить, за каким таким увлекательным действием наблюдает папа на экране телевизора. Он объяснял как-то правила, но разве все запомнишь. Да и мама так из прихожей шипит, что внимательно смотреть не получается. Что это она?

— А? Мама-то? Ты видел когда-нибудь, как молоко убегает? Вот. И у нее внутри молоко убежало. Сейчас выльется все лишнее, выкипит, ну повоняет — не без этого, а потом успокоится. Так уж бывает. Что там, у бабушки Веры гости, да?

Неохотно сперва начал про Ромку, потом про мячик. Когда дошел до момента с мышинными зернышками, папа неожиданно захохотал:

— Да, у Серафимы мышей на всех кошек деревни хватало. И что, вот так прямо целую ладошку и